

ДЕГТЯРЕВ В. И.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕН PLURALIA TANTUM
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ(К определению семантических механизмов
лексикализации форм мн. ч.)

Процессы образования имен *pluralia tantum* в древнейшем строе славянских языков не были предметом сравнительно-исторического изучения, а в описательных исследованиях вопрос о происхождении плюративов обычно решается на основе определенных современных представлений о денотате. Так, нередко утверждается, что формы мн. ч. типа русск. *сани*, *часы*, *мости*, *перила*, *обои*, *хоромы* и т. п. выражают сложную структуру, множество частей, сложное устройство обозначаемых предметов. Против этого можно было бы и не возражать, поскольку конкретно-предметные имена *pluralia tantum* действительно обозначают обычно сложные устройства, орудия, механизмы, но таким объяснением невозможно удовлетвориться, так как оно не имеет лингвистической ценности. Известно, что не всякий сложный предмет обозначается именем существительным в форме мн. ч. Для этого может быть избрана в зависимости от словообразовательной структуры обозначающего имени как форма ед., так и форма мн. ч. Ср. русск. мн. ч. *часы*, чеш. и словац. мн. ч. *hodiny* «то же» и ст.-русск. *часъникъ*, *часомѣръж*, серб.-хорв. *časovnik*, укр. *годинник* — в аналогичных значениях. Происхождение русск. мн. ч. *часы* связано не с характером или структурой денотата, а с собственно языковыми, внутрискруктурными особенностями номинации — метонимическим переносом формы мн. ч. *часы* в значении «время, часы» на прибор, предназначенный для его измерения. Лексикализация мн. ч. *часы* в новом, предметном значении стала следствием метонимического изменения смысла. По аналогии с ним образовано мн. ч. *ходики*. Ср. ед. ч. *будильник*, у которого действию аналогии препятствует словообразовательная структура формы ед. ч. Значительные различия наблюдаются при сопоставлении фактов разных языков. Например, русскому мн. ч. *сливки* в литовском языке соответствует ед. ч. *grietinėlė*, в буквальном переводе означающее «сметанка» (ср. чеш. *sladká smetana* и *smetánka* в том же значении). Различие форм объясняется только способом номинации, а именно происхождением, словообразовательной структурой слов. Следовательно, плюрализация, т. е. лексикализация формы мн. ч. в номинативном значении, — это внутриязыковое, структурное явление грамматического строя. Задача состоит в выявлении собственно языковых причин плюрализации путем реконструкции значения мн. ч., в определении условий смыслового разобщения форм ед. и мн. ч. Для этого должна быть восстановлена внутренняя форма слова — способ представления предмета, раскрывающий характер первоначального видения и мыслительного обобщения, и определен способ его номинации.

Образование имен *pluralia tantum* — это номинативный процесс, опирающийся на грамматические формы мн. ч. А. А. Потемня убедительно показал, что мн. ч. имен существительных и местоимений в определенных случаях «является не значением (обозначаемым), а знаком, средством обозначения других значений, отличных от простой множественности, которая является только исходной, а не конечной точкою мысли» [1, с. 1]. К этим значениям он относил 1) множественное гиперболическое, 2) мно-

жественное сложных вещей, 3) множественное делимого вещества, 4) множественное места, 5) множественное времени и 6) множественное состояния. Однако эта классификация типов семантизированных форм мн. ч. отражает в основном не исторический, а синхронический взгляд на языковые факты, определяет типы выражаемых денотативных содержаний, а не грамматическую семантику форм мн. ч. Различие двух подходов — синхронического и диахронического — к оценке языкового факта можно показать на следующем примере: мн. ч. *хоромы* А. А. Потебня относит к типу множественного гиперболического. Но это современное значение слова, тогда как происхождение формы мн. ч., его этимологическое значение совершенно иное: мн. ч. *хоромы* образовано в русском языке XIV—XVI вв. в результате лексикализации грамматической формы мн. ч. от ед. ч. *хором*, которое в древнерусском языке имело обобщающий смысл «всякая постройка, жилое или хозяйственное помещение». Мн. ч. *хоромы* в обобщающе-собирательном значении «комплекс жилых и хозяйственных построек как единое целое, двор, усадьба» в старорусской письменности отмечается в начале XV в. Таким образом, форма мн. ч. мотивирована реальной множественностью предметов, воспринимаемых и мыслимых собирательно, как одно целое, так как для называния комплекса избирается имя единичного предмета.

Тем не менее классификация А. А. Потебня четко определяет круг представлений, в которых множественное число, отступая от исходного значения количественной множественности, становится основой для развития новых значений и образования новых слов. А. А. Потебня одним из первых указал на лексикализацию форм мн. ч. как важнейший источник образования имен *pluralia tantum*.

М. Браун в своем историко-семасиологическом опыте об именах *pluralia tantum* в русском языке [2] сосредоточил внимание на непосредственно наблюдаемых явлениях плюрализации. Поскольку образование имен множественных является живым, совершающимся процессом в развитии лексико-грамматической системы языка, ему действительно удалось без обращения к данным этимологии или исторической семантики наметить основные пути плюрализации: 1) лексикализацию форм мн. ч., нарушающую их корреляцию с формами ед. ч.; 2) плюрализацию на основе большей частотности в употреблении формы мн. ч., ведущей к привычному, преимущественному или обычному употреблению слова во мн. ч.; например, мн. ч. *стружки* от ед. ч. *стружка* отличается большей частотностью в речи и в текстах, а ед. ч. *стружка* в значении единичности употребляется практически редко; 3) образование имени множественного по аналогии, например, от ед. ч. *пролетка* образовано мн. ч. *пролетки* рядом с мн. ч. *дрожки*. Семантическую основу плюрализации, по мысли М. Брауна, составляет собирательное значение мн. ч. Однако М. Браун не обосновал глубинные семантические связи между значениями собирательности и множественности, так как он отверг этимологический анализ, объявив его (разумеется, без всяких оснований) субъективным, и предпочел сравнительно-историческому исследованию собственный метод семантического описания непосредственно наблюдаемых явлений. Этот метод не применим к тем формам мн. ч., которые исторически утратили ясные словообразовательные связи и первичное значение. Относительно этих форм суждения Брауна совершенно произвольны. Так, не считаясь с показаниями сравнительно-исторического анализа, он возводит плюративы типа *уста*, *врата*, *двери* к исконным формам дв. ч. Игнорируя данные сравнительно-исторической грамматики славянских языков, Браун высказывает совершенно произвольные, явно ошибочные суждения о происхождении типов имен собирательных в славянских языках. Так, считая собирательность видом языковой абстракции, Браун утверждает, что словообразовательные типы собирательности в славянских языках сформировались лишь в эпоху появления письменности, т. е. в древнеславянских перево-

дах христианских богослужебных книг, чтобы можно было удовлетворить потребность к выражению «неожиданно ставших необходимыми абстрактных представлений». Несостоятельность этого очевидна: не требуется доказывать, что основные, древнейшие типы имен собирательных являются праславянскими по своему происхождению и имеют индоевропейские соответствия. Однако описательный метод Брауна позволил ему в ряде случаев высказать тонкие суждения о совершающихся в речи процессах лексикализации форм мн. ч. В. В. Виноградов, ссылаясь на исследование М. Брауна, писал: «Разные оттенки собирательного значения множественного числа являются живой опорой образования новых *pluralia tantum*» [3]. Семасиологические наблюдения М. Брауна получили подтверждение и развитие в содержательной статье А. Фидлеровой, посвященной историко-семантическому исследованию имен *pluralia tantum* в чешском языке [4]. Вслед за Брауном Фидлерова указывает на значение совокупности-собирательности, исторически мотивирующее формы мн. ч. у некоторых типов имен *pluralia tantum*, отмечает бесспорно существующие точки соприкосновения между ними и именами собирательными, но вместе с тем подчеркивает их различие. Вместе с тем Фидлерова называет и иные признаки лексической плюральности — сложность и составность (орудия, устройства, инструменты), сборность и комплексность (одежда, снаряжение), неисчислимость частиц (вещества). Нетрудно заметить, что выявленные Фидлеровой признаки лексикализованных значений мн. ч. связаны с воспринимаемым денотатом и отражают скорее современную, чем историческую точку зрения. Впрочем, Фидлерова и не ставила своей целью реконструкцию значений мн. ч., ее занимало, как об этом она говорит, прежде всего исходное старочешское состояние и его дальнейшее развитие.

По-прежнему актуальная проблема происхождения имен *pluralia tantum* выдвигает в качестве важнейшей и первоочередной задачу реконструкции значений форм мн. ч., выявления собственно языковых, семантических механизмов лексикализации этих форм на основе этимологического анализа. Особенность состоит в том, что этимологическому анализу подвергаются не слова или корни слов, а грамматические, но лексикализованные формы.

Лексикализация является главным, живым источником образования имен *pluralia tantum*. Действительный фактор, определяющий этот процесс, — коллективная практическая деятельность людей, творчески преобразующих природу, изобретающих орудия труда, механизмы, инструменты, приспособления, аппараты, формирующих новые понятия на основе предшествующего опыта и накопленных знаний. Коммуникативно-мыслительная деятельность в процессе труда совершается в языковых формах. Если для номинации новых предметов, выражения новых понятий избираются сложившиеся в языке грамматические формы, поскольку новообразования опираются на функционирующую систему языка, эти формы, наполняясь новым смыслом и содержанием, преобразуются семантически и структурно. Лексикализация означает не только нарушение первоначальной корреляции форм, но и ломку, преобразование исконных семантических связей, разрушение лексического единства или тождества слова. Однако это разрушение совершается ради созидания нового и является прогрессом, основанным на внутренних возможностях языковой системы. Глубинные процессы лексикализации происходят во взаимодействии определенных мыслительных операций, в частности, обобщения, с грамматическими значениями форм мн. ч. Мыслительно-логическим основанием лексикализации форм мн. ч. является осмысление простого множества в единстве, совокупной целостности, представляющей качественно новый предмет или новое понятие. Простое множество предметов, освещенное творческой мыслью, конструктивно преобразованное, в совокупности дает новое материальное качество, осознается как новый самостоя-

тельный предмет, т. е. уже не как множество, а как единица — только более высокого качества. Таким образом, лексикализация — это собственно языковой, номинационный процесс, выражающий творческую деятельность мышления. Изучение механизмов лексикализации должно показать содержание взаимодействия языковых и мыслительных категорий, раскрыть способ познания действительности, обобщения и абстрагирования понятий, совершающихся в языковых формах. Лексикализуемая множественное число является внутренней формой слова, т. е. способом первоначального представления и способом называния предмета.

Категория числа сформировала универсальный характер облигаторной грамматической категории, типичный для языков развитого флективно-синтетического строя, уже в праиндоевропейском языковом состоянии. Морфология древних славянских языков отличается четким, флективно выраженным противопоставлением парадигм ед., мн. и дв. числа. Чувство связи, соотносительности и противопоставленности форм ед. и мн. ч. по значению единичности и множественности, определяющему природу категории числа, в древнем строе славянских языков настолько сильно, что в определенных синтагматических связях имена *pluralia tantum* восстанавливают форму ед. ч. в соответствии со значением единичности. Так, в старославянском языке существительное *дъври* имело словарную форму мн. ч., но в конструкции *Азъ късмъ дъвьрь* (Ио. X, Сав. кн., л. 125) употребительно только ед. ч. Наряду с обычным мн. ч. *оуста* в славяно-сербском источнике — Вукановом ев. отмечено ед. ч. *оусто* — во фразе: *ѣзык оусто късть имь* (л. 158а. 15—18). Это свидетельствует о живой связи имен *pluralia tantum* и соответствующих первообразных форм ед. ч. в древних языках и показывает, что значение количественности, исконное для категории числа, в древнем строе славянских языков ощущалось как важнейшее значение числа. Вместе с тем, как уже отмечено, формы числа исконно используются в словообразовании как номинационные модели, по которым образуются имена *pluralia tantum*. Это довольно древние образования: важнейшие семантические типы лексикализированных форм мн. ч. — «орудия труда», «средства передвижения», «оружие», «сложные обрядовые действия», «вещества как продукты производственных процессов» и др. — отмечаются в древних индоевропейских языках — древнегреческом, древнеиндийском, латинском [5, с. 147—171; 6, 7]. Поэтому следует решительно отвергнуть попытки отнести происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках к позднему периоду развития (например, связывающие это с перестройкой парадигм после падения двойственного числа).

Исследование показало, что семантические процессы образования имен *pluralia tantum* основываются на глубинных мыслительно-логических значениях множественности, которые в соответствии с характером денотативных содержаний могут быть сведены к четырем основным типам: 1) собирательности, 2) обобщенности, 3) неопределенности и 4) интенсивности. Самостоятельно, но чаще — в комплексе, определенным образом взаимодействуя, эти значения нейтрализуют собственно количественное значение мн. ч. и вызывают переосмысление грамматических форм множественности, за которыми закрепляются новые лексические значения и которые, таким образом, становятся самостоятельными словами. Семантические процессы плюрализации имеют свои особенности в разных типах предметно-логического содержания имен *pluralia tantum* — конкретно-предметных, обобщающих, обобщенно-собираательных, вещественных и отвлеченных.

Логико-семантическую основу плюрализации конкретно-предметных имен существительных, ведущей к образованию предметных, вещественных и собираательных имен *pluralia tantum*, составляет идея собираательности множества однородных, одноименных предметов¹. По мере того, как опре-

¹ Собираательность как логико-семантическая категория исконно противопоставляется, с одной стороны, единичности, а с другой — раздельной множественности.

деленное предметное множество, практически применяемое в совокупности, как система взаимодействующих, функционально связанных элементов целого, осознается как новый предмет, форма мн. ч. существительного, обозначающая данное множество, лексикализуется в качестве названия этого предмета. Совокупность и неотделимость, т. е. невозможность самостоятельно функционировать в прежнем качестве, характеризует предметы, ставшие деталями целостной системы и передавшие ей свое наименование в форме мн. ч. Простая количественная множественность предметов преобразуется в качественно новую, собирательную множественность. Сформировавшееся на такой основе новое понятие выражается формой мн. ч., потому что представляет собой переосмысленную идею простой множественности, а форма мн. ч. оказывается семантически изолированной, обособленной от формы ед. ч. и лексикализуется в новом значении.

Для большинства общеславянских конкретно-предметных имен *plurality tantum* (названий орудий труда, средств передвижения и связи, инструментов, сооружений, конструкций, произведений, органов тела и т. п.) при сравнительном анализе удается обнаружить исконную форму ед. ч., от которой они образованы.

Собирательное значение лежит в основе праслав. лексикализованной формы мн. ч. ср. р. **kola* «повозка», «колесница», «воз», «телега» (от ед. ч. **kolo* «колесо»). Заметим, что лексикализуемая собирательная форма мн. ч. образована от корня слова (без согласного детерминанта основы). На собирательный характер значения мн. ч. указывает сочетаемость с собирательной формой числительного: ст.-слав. *четверокола* и ст.-чеш. *čtyverokola* «квадрига». Аналогии находим в балтийских языках: литов. мн. ч. *rātai* «телега» (ед. ч. *rātas* «колесо»), латыш. мн. ч. *rati* (ед. ч. *rats*) в тех же значениях.

Праслав. мн. ч. жен. р. **gpsli* образовано от ед. ч. **gpslb* «звенящая (струна)» и лексикализовано в значении «скрипка, гусли». Форма ед. ч. в метафорических значениях отмечена в славяно-русских текстах, например: *богозвонная гоусль* Стихир. XII в. (Срезневский III, стлб. 21). Смысловую основу лексикализации составляет собирательное значение мн. ч.: «струны» ∞ в совокупности, как целое: «гусли», «скрипка». По тому же принципу образовано праслав. мн. ч. **jasli* «кормушки» от ед. ч. **jaslb* «кормушка»: чеш. морав. ед. ч. жен. р. *jasel*’, серб.-хорв. ед. ч. ср. р. *jaslo* (в Словаре Вранчича 1595 г.).

Формы мн. ч. существительных *ножьница* и *ножьна* лексикализованы в значении «ножны», «футляр для ножа». В старославянских источниках отмечены обе формы с общим значением, например, ед. ч.: *въньзи ножь въ ножьницуж* Ио. XVIII. 11 Ас. ев., л. 1006, то же — в ср.-болг. Добромировом евангелии (л. 1736) и др.-сербском Вукановом евангелии (л. 168г, 22—23), но в других старославянских источниках (Мар., Зогр., Остр., Сав.) — мн. ч. *въ ножьница* (ср. чеш. мн. ч. *požnice*). В старосербской книжности обычна форма ед. ч. *ножьница*, но в современном сербохорватском языке известны обе формы: ед. ч. *ножьница* и мн. ч. *ножьнице*, в словенском — ед. ч. *požnica* и мн. ч. *požnice*, в болгарском и македон-

---

Ее развитие зависит от характера этого соотношения. В древних славянских языках собирательные понятия выражались формами ед. и мн. ч. Следовательно, формы мн. ч. применялись не только для обозначения дистрибутивного, но также и собирательного множества. Абстрагирование количественных понятий вело к преобразованию формативов собирательности в грамматические показатели простого мн. ч. Это основной путь исторического развития категории собирательности в языках разных типов (грамматикализация). Но наряду с этим формы мн. ч., выражавшие собирательные понятия, использовались для номинации новых предметов, когда собирательное множество преобразовывалось в единицу.

В данной статье рассматривается только этот исторический процесс, тогда как иные аспекты взаимодействия собирательности и категории числа составляют предмет специального исследования.

ском — ед. ч. *ножица*. Русск. мн. ч. *ножны*, ст.-чеш. *požny*, польск. *pożny* образованы от ед. ч.: ст.-русск. *ножна* (Берында, с. 210), ст.-польск. *pożna* (Linde III, с. 363), ст.-чеш. *požna* (Jung. II, с. 739). Ср. также словен. ед. ч. *požna* в том же значении, что и ед. ч. *požnica*. В сербо-лужицких — мн. ч. *póžnje* (Pfuhl, с. 437). Заметим, что в верхнелужицком языке есть и ед. ч. *póžnik* «футляр для ножа», убедительно показывающее, что форма языкового выражения понятия определяется способом словообразования, типом номинации и, следовательно, лишь опосредованно связана с внутренней структурой денотата, а потому может и не отражать ее в форме числа.

Др.-русск. мн. ч. *вилы*, ст.-чеш. мн. ч. *vidly*, совр. чеш. *vidle*, словац. мн. ч. *vidly*, ст.-польск. мн. ч. *widly*, серб.-луж. мн. ч. *widly*, серб.-хорв. мн. ч. *вѣле*, словен. *vile* «вилы» образованы от формы ед. ч.: вост.- и южн.-слав. *вила* и зап.-слав. *vidla «витое, разветвленное, с развилкой (дерево)». Ср. русск. ср.-уральск. мн. ч. *вилы* «развилка ветвей», сибирск. ед. ч. *вилка* «ветка с раздвоенным концом (для ворошения соломы)». В.-луж. мн. ч. *widly* имеет два значения: 1) вилы и 2) разветвленные ветви. В среднеболгарском языке, по данным влахо-славянских грамот г. Брашова, употреблялось ед. ч. ср. р. *вило*.

Праслав. мн. ч. **grabjě/-lje* ж. р. «грабли», отраженное в современных славянских языках, образовано от ед. ч. *grablja, заключающего в себе основу итератива *grabati/grabiti*. Форма ед. ч. известна в ряде славянских языков: ст.-русск. *грабля*, болг. *грабла* «то же», макед. *грабула* «грабли, лопата, гребло», серб.-хорв. *грѣбуља* (и чаще употребляемое мн. ч. *грѣбуље*) «грабли», словен. *greblja* «кочерга» (образованы от основы глагола *grebti). Мн. число принято и в балтийских языках: литов. *grebliys* и латыш. *greblis*.

Собирательное значение мн. ч. (понятие совокупности одноименных предметов, осмысленной как единое целое и как новый предмет) определяет происхождение имен *pluralia tantum*, обозначающих «вымощенный пол», «настил», «дно», «помост», «покрытие», «пристройки», «комплекс строений» и т. п. Праслав. *tĭlo (*tĭlo) первоначально обозначало отдельную доску, половицу (в дне лодки, настила), см. Machek, с. 530. Об этом свидетельствуют соответствия в других индоевропейских языках: литов. мн. ч. *tĭlės* «доски на дне лодки», др.-в.-нем. *dilla* «доска», «половица», др.-англ. *þille* «дощатый пол» и др. В ряде языков в значении «пол», «настил», «основание» употребляется лексикализованная форма мн. ч. этого слова: ст.-слав. ед. ч. *тъло* и мн. ч. *тъла*, др.-русск. мн. ч. *тъла* «пол», «почва», например: *Мнози мѣстѣтеле сѣдоша на тѣлѣхъ* [Панд. Ант. XI в., л. 104 (Срезневский II, стлб. 383)]; серб.-хорв. мн. ч. *тлѣ* (и ед. ч. *тлѣ*) «то же», словен. мн. ч. *tlà*, *na tlèch* «на полу», обл. ед. ч. *na tlo*, н.-луж. мн. ч. *tla* «почва; ток». Аналогично образовано чехо-моравское мн. ч. *deliny* «дощатый пол в конюшне», форма ед. ч. *delina* «половая доска» образована с помощью суффикса единичности *-in(a)* от корня, заимствованного из нем. *dēle* в том же значении (Machek, с. 83). Ср. также польск. силезск. *delina* «пол», «настил» и мн. ч. *deliny* «то же». Аналогично по происхождению русск. мн. ч. *мости* «пол» и *мостики* «дощатая мостовая», «настил», в калининских говорах — «сени». В. Махек связывает слово *most* с др.-в.-нем. *mast* «жердь; мачта» (Machek, с. 306). Этому соответствует первоначальное значение слова.

Собирательная множественность с обобщающим оттенком составляет смысловую основу форм мн. ч., лексикализованных в значениях «внутренние органы, внутренности» (кишечник, почки, печень). Праслав. *kĕrvo > *črĕvo* «кишка» в ряде славянских языков во мн. ч. выражает целостное понятие «кишечник»: др.-русск. *черева*, *чрѣва* и *чревеса*, ст.-чеш. мн. ч. *sřeva* «живот; кишечник» (ед. ч. *sřevo* «кишка»), ст.-польск. мн. ч. *czerewa* «внутренности; живот» (ед. ч. *czerewo* «кишка»), в.-луж. мн. ч. *črjewo* «кишечник» (ед. ч. *črjewo* «кишка»), н.-луж. мн. ч. *сrowa*

(ед. ч. *ślowo*), словен. мн. ч. *čreva* (ед. ч. *črevo*), болг. мн. ч. *чръвата* (в Люблянской рукописи XVII в.) и ед. ч. *чръво* и др. — в том же соотношении значений. Обобщающий характер значения мн. ч. выражен в ст.-польск.: *we czrzewyech moych* — лат. *in visceribus* (Puł. (50. 11); ср. совр. польск. мн. ч. *trzewia* «внутренности»). Аналогией этому составляет в древнегреческом то, что слово *ἔντερον* «кишка» обычно употребляется во мн. ч. в лексикализованных значениях «чрево», «внутренности», «матка», «ядро», «сердцевина». Этимологически связанное с ним праслав. *ętro «внутренний орган; печень» закрепились в современных славянских языках во мн. ч. Лексикализованные формы мн. ч. утвердились уже в старший письменный период: др.-русск. *ятра* ср. р., ст.-чеш. *játry* ж. р., совр. мн. ч. *játra* ср. р., словен. *jétra* ср. р., в.-луж. *jatra*, полаб. *jōtra* и др. По тому же образцу вместо ед. ч. *ложесно* *мѣтра* (праслав. *log-es-n-o с тем же корнем, что и в др.-русск. *ложе* «бедро; верхняя часть лядвеи»), отмечаемого в славяно-русской письменности XI—XII вв., образовано мн. ч. *ложесна*; например: *гш сѣъ се ксть, играя въ ложеснѣхъ моихъ* Златоуструй XII в.

В форме мн. ч. предметное значение слова несколько ослабевает, так как оказывается менее актуальным, поскольку форма мн. ч. паделена на выражение идеи количественности. Это создает возможность семантического сдвига и переносного словоупотребления. Форма мн. ч. отклоняет значение слова от номинативного и лексикализуется в новом предметно-логическом содержании. При этом собирательность, составляющая смысловую основу лексикализации формы мн. ч., осложняется дополнительными оттенками значения обобщенности и неопределенности. Это особенно характерно для тех имен существительных, которые в ед. ч. многозначны. Так, праслав. *ędro (*adro) «внутренность», ср. др.-русск. *ядро*, *ѣдро*, *нѣдро* «внутреннее», обобщает множество связанных значений: «лоно», «глубина», «вместилище», «грудь», «пазуха», «живот», «утроба», «впадина» и в древнейших славянских текстах употребляется преимущественно во мн. ч. Форма мн. ч. лексикализуется в обобщенно-собирательном значении «глубины земли», «недра». Ст.-слав. *нѣдра* и *ѣдра* последовательно употребляются во мн. ч. в соответствии с греч. мн. ч. *κόπος*. Форма ед. ч. возможна, но по условиям смысла почти не употребляется. Лексикализации мн. ч. способствует метафорическое изменение смысла в значениях «отеческий кров», «родительская забота», отмеченных в переводах с греческого, в славяно-русской, среднеболгарской и древнесербской книжности. В среднеболгарском языке XII—XIV вв. мн. ч. *нѣдра*, *нядра* имеет значения «пазуха», «сердце», «недра», «глубины», «подземелья». В старопольском языке мн. ч. *padra* «пазуха», «грудь» употреблялось наряду с ед. ч. *padro* в тех же значениях. Обе формы отмечены и в других древних славянских языках: ст.-чеш. мн. ч. *ňadra* «пазуха; грудь» и ед. ч. *ňadro*, словац. мн. ч. *ňadrá* и ед. ч. *ňadro*, н.-луж. *padra* «пазуха; лоно; живот» и ед. ч. *padro* «грудь женщины» и т. п. Ср. серб. в песнях, собранных Вуком Караджичем: мн. ч. *нѣдра* «грудь», ед. ч. уменьш. *нѣдарце*, например: *Јако сунце нѣдра твоја* (Пјесме I, № 541, с. 407).

Не имея возможности полнее представить собранный нами материал, надеемся, что и приведенных фактов достаточно для того, чтобы убедиться, что в старший период развития славянских языков имена *pluralia tantum* образовывались главным образом в результате исторической лексикализации первоначальных простых, грамматических форм мн. ч., соотносительных с формами ед. ч., и что логико-семантическим механизмом образования лексикализованных форм мн. ч. является мыслительная идея собирательности, объединяющая множество предметов в единое целое. При этом для наименования этого целого избирается имя предмета, который в совокупности с другими, одноименными предметами, составляет основу нового устройства, орудия и т. п. В языковом выражении собирательная множественность как смысловая основа нового понятия определяет и мотивирует выбор формы мн. ч. для его номинации. Соби-

рательное осмысление реального множества вытесняет раздельно-множественное значение формы мн. ч., когда оказывается актуальной идея единства множества предметов как целого. Это означает качественное восприятие множества, которому в действительности соответствует переход количества в качество (как в случае мн. ч. *кола* «колеса» ~ «повозка; экипаж»). Таким образом, простая, количественная множественность, преобразованная в собирательность, становится признаком нового понятия. Собирательное значение мн. ч. получает словообразовательную функцию как смысловой механизм лексикализации формы мн. ч., семантического обособления ее от формы ед. ч. и превращения в новое слово. Объективным показателем собирательной множественности, мотивирующей словообразовательную форму мн. ч., является сочетаемость имен *pluralia tantum* с собирательными формами числительных; например: *трое дверей, двое вил* и т. п. Уже в древних славянских языках эти сочетания выражают количественность. Однако исконно, по-видимому, они выражали внутреннее множество, т. е. количество предметов, соединенных в одно целое и составляющих совокупность частей нового предмета, например, др.-русск. *пѣтеры кѣнигы* (Изб. 1073 г., л. 252) «пятикнижие», ст.-слав. *веригы двои* (Супр. р., 114) «двойная цепь»; ср. отмеченное в калининских говорах Осташковского р-она *двоякола* «одноколка». Имена собирательные ед. ч. в древних славянских языках, функционировавшие как средство выражения мн. ч., тоже сочетались с собирательными числительными, например: ст.-слав. *четверо братья*, др.-русск. *осьмеро челяди* и т. п. Таким образом, собирательность в формах ед. ч. и множественность в именах *pluralia tantum* имеют единое логическое основание, только в одном случае это множественность, выраженная формой ед.ч., а в другом — формой мн. ч.

Известно суждение, что имена множественные, обозначающие двухчастные предметы типа *ворота, двери, сани*, являются исконными формами дв. ч., исторически переосмысленными в формы множественного. А. А. Потебня, не углубляясь в проблему, осторожно заметил, что если такая замена форм дв. ч. формами мн. ч. и произошла, то в очень отдаленное время, «задолго до исчезновения двойственного числа» [1, с. 17]. Б. Дельбрюк [5, с. 160] прямо высказал удивление по поводу того, что ст.-слав. *уста* и *истеса* являются формами мн., а не дв.ч., хотя и обозначают двухчастные предметы. А. Мейе путем [сравнения с балтийскими соответствиями установил, что слав. *врата, двери, уста, ноздри* являются исконными формами мн. ч. [8, с. 176—177], однако не дал этому семасиологического обоснования. А. Белич решительно выступил против позиции А. Мейе и высказал предположение, что формы дв. ч. восходят к именам собирательным: древнейшим типом дв. ч. в самые ранние эпохи праиндоевропейского языка-основы, как полагал А. Белич, было «свободное двойственное, которое представляло некую разновидность собирательного единственного числа» [9, с. 1], а образцом этой первичной собирательной двойственности в славянских языках являются существительные мн. ч. типа *врата, двери, уста*. По мнению А. Белича, имена *pluralia tantum*, обозначающие двухчастные предметы, являются исконными формами дв. ч. Имея в виду слово *уста*, он писал: «У меня нет никакого сомнения, что в основе этого существительного лежит двойственное число от существительного *oustrъ» [9, с. 14]. Однако эта единственная реконструкция (иных А. Белич не приводит) должна быть отвергнута как не подтверждаемая действительными данными сравнительно-исторического анализа.

В древних славянских языках формами дв. ч. выражались такие соединения двух предметов, в которых они сохраняли функциональную самостоятельность и отдельность. В то же время соединение двух предметов, образующее новый самостоятельный предмет, обозначалось формами мн., а не дв. ч. Любое множество, включая и двоичное, составляющее в совокупности и единстве новый предмет, в славянском, как и вообще в

индоевропейских языках, выражалось формой мн. ч. (а также и ед., но не дв. ч.), поскольку именно мн. ч. служило формой выражения собирательности, а собирательность представляет множество как определенное качественное состояние, т. е. как качественное количество, и идея совокупности нейтральна в отношении количественной мощности совокупного множества. Действительные исторические факты индоевропейских, и в первую очередь славянских языков, показывают, что двойственное число собирательного значения не имело. Ср. др.-русск. дв. ч. *дѣва римлянина* и мн. ч. *двоѣ римлянъ*. В первом сочетании форма дв. ч. существительного выражает два самостоятельных лица и эту форму принимает сингулятив, во втором — форма мн. ч. существительного выражает собирательное понятие, на что прямо указывает собирательное числительное. В первом случае выражена расчлененность, во втором — собирательность.

Этимологический анализ славянских данных подтверждает мысль А. Мейе, что «... множественное должно рассматриваться как правильное с точки зрения индоевропейского языка повсюду, где два предмета объединяются, чтобы образовать одно целое» [8, с. 177].

Праслав. **vorta* является исконной формой мн. ч. от ед. ч. **vorto* ср. р., отраженного в чеш. диал. ед. ч. *vrato* «половинка ворот», «воротина» (Jung. V, с. 175), ср. также белорусск. фольклорное ед. ч.: *наша варѳто — срѣбро-злото* (С. Малевич, Белорусские народные песни, с. 94) — наряду с обычным мн. ч. *варѳты*. На исконную форму мн. ч. ср. р. указывают соответствия в балтийских языках: ст.-прусск. мн. ч. ср. р. *warto*, литов. мн. ч. *vařtai*, латыш. мн. ч. *varti*.

Слав. мн. ч. **dvъri*, отраженное в форме мн. ч. во всех славянских языках, восходит к праслав. мн. ч. с согласной основой **d(h)ъer-es*. На исконный характер формы мн. ч. указывают индоевропейские соответствия: др.-греч. мн. ч. ж. р. *θύραι* «двустворчатая дверь» — ед. ч. *θύρα* «дверь; калитка», лат. мн. ч. *forēs* «двери» и ед. ч. *foris* «ворота», литов. мн. ч. *dūrys* и *dūrės*, латыш. мн. ч. *dūrvīs* «дверь», др.-инд. мн. ч. *dvārah* и др.

Праслав. мн. ч. ср. р. **ousta* «рот» образовано от формы ед. ч. ср. р. **ousto*, которая употреблялась еще в древнесербской речи и отражена в письменности сербохорватского языка. Так, в одном старосербском лечебнике XV в. отмечаем формы ед. и мн. ч. в одинаковом значении: *дръжи въ оустѣ* и *дръжи въ оустѣхъ*. Ср. чеш. ед. ч. *ústo* (Jung. IV, с. 791—792). Слав. мн. ч. *уста* соответствует ст.-прусск. мн. ч. ср. р. *austo*.

В истории славянских языков вообще нет никаких следов преобразования форм дв. ч. в имена *pluralia tantum*, хотя, как известно, двойственность исторически растворяется во множественности. Дело в том, что двойственность функционировала только в связи и соотношении с единичностью, семантическое обособление форм дв. ч. в самостоятельной номинативной функции было невозможно.

Имена вещественные выражают обобщенные понятия веществ как измеряемых (а не считаемых) субстанций и в своих номинативных формах не изменяются по числам, а распределяются между группами имен *singularia* и *pluralia tantum* в соответствии с морфологической структурой и способом словообразования. Действительная природа вещества, его материальная структура, особенности производства решающим образом влияют на его восприятие и осмысление. Но способ языкового выражения определяется все же системой языка — характером производящей основы, наличными словообразовательными средствами, включенностью каждой словообразовательной модели в сложную систему парадигматических и синтагматических отношений, а также некоторыми историческими тенденциями развития языковых средств выражения понятий.

Этимологический анализ вещественных *pluralia tantum* в славянских языках показывает, что смысловую основу лексикализации форм мн. ч. составляет обобщающее значение собирательности-совокупности. От фор-

мы ед. ч. в самостоятельном значении единицы образуется обычная форма мн. ч., выражающая логическое множество однородных и одноименных единиц. На основе идеи однородности и совокупности это множество осознается как масса вещества. Понятие массы, основанное на представлении о совокупном множестве однородных частиц, получает, таким образом, выражение в лексикализованных формах мн. ч. Праслав. мн. ч. ср. р. *drūca образовано от ед. ч. *drūco* «дерево; бревно; полено» и лексикализовано в вещественно-собирательном значении «дрова». Видимо, еще в ранний праславянский период это была собирательная форма (*drūcā < < *drū-ā)², преобразованная затем в форму мн. ч. Ср. собирательное по происхождению лит. *dervā* «смолистая сосновая щепка, смолье». Показательно, что плюральная форма здесь, как и в слове *кола*, образована от корня без согласного детерминанта — именно в собирательном значении, ср. мн. ч. *дрѣва* и *дрѣвеса*, *кола* и *колеса*, что, по-видимому, свидетельствует о том, что окончание мн. ч. ср. р. -а само прежде служило суффиксом, выражавшим, как известно, собирательность. Праслав. мн. ч. *drūcā — ед. ч. *drūco (из собир. *drū-ā от корня **drū-*) представляет собой иную огласовку корня **der-* (ед. ч. *dervo — мн. ч. *derva «дерево») на ступени редукции гласной. Форма ед. ч. *drvo* «растущее дерево» ~ «срубленное дерево» ~ «полено» отмечена в ряде древних славянских языков: ст.-серб. *дрво*, собир. *дрвие*, ср. совр. серб.-хорв. *дрѐво* — мн. ч. *дрѐта* «растущее дерево» и *дрѐво* — мн. ч. *дрѐва* «дрова», ст.-серб. мн. ч. *дрѣва* «растущие деревья» и «дрова»; болг. (в источнике XVII в.) *едно дрѣво*, ср. совр. *дрѣво* «дерево» и «полено», от которого тоже образуются разные формы мн. ч.: *дрѣва* «дрова» и *дрѣвета* «деревья», ср. макед. *дрво* «дерево» — мн. ч. *дрѣја*, *дрѣје* и *дрво* «полено; бревно» — мн. ч. *дрва* «дрова». В старочешском языке различались по значению *drěvo* «растущее дерево» и *drvo* (lignum), хотя вместе с тем ед. ч. *drvo* отмечено в письменности и в значении «дерево», а в старопольской Флорианской псалтыри отмечено мн. ч. *drwa* в значении «деревья», например: *drwa lassow* (95.12); *drwa owoczna* (148.9). Таким образом, несомненно материальное значение «дрова» развилось на основе понятия совокупности из предметного значения: «деревья» ~ «поленья» > > «дрова». Равным образом мн. ч. *jьkry, лексикализованное в чешском и словацком в вещественном значении «икра», образовано от ед. ч. *jьkra* в значении «икринка», как и в балтийских языках, ср. литов. мн. ч. *ikrai* «икра» — ед. ч. *ikras* «икринка» и латыш. мн. ч. *ikri* — ед. ч. *ikra* в тех же значениях. Ст.-русск. мн. ч. *крупы*, ст.-чеш. *krupy* «крупка; град», ст.-польск. *kripy* «то же» производны от ед. ч. *krupa* в значении «крупинка; крошка»; ср. литов. *kriopà* «то же». Имена вещественные мн. ч. типа русск. *выжарки*, *высевки*, *вытопки*, *сливки* и т. п. представляют типичную для славянских языков словообразовательную модель мн. ч. с глагольной основой и суффиксом -ък(ъ). Формы ед. ч. восстанавливаются при сравнении с данными других славянских языков: чеш. (по данным словаря Юнгманна, см. т. V) *výsevek*, *výškvarek*, *výtopek*, *vývarek*, *výčesek* и т. п. Некоторые формы ед. ч. сохранились в народных говорах: яросл. *охлопок* «отход льна при чесании», соликам.-пермск. *сливок* «сливки» и т. п.

Лексикализация форм мн. ч. может быть основана на глубинном семантическом взаимодействии собирательной множественности с обобщаю-

² Как показал И. Шмидт [10], формы им. п. мн. ч. ср. р. на *ā восходят к праиндоевропейским именам собирательным ж. р. ед. ч. на *-*ā*. Вместе с тем есть основания полагать, что происхождение собирательных на *-*ā* как словообразовательного типа относится к более древнему праиндоевропейскому состоянию, предшествовавшему грамматически оформленной дифференциации значений ед. и мн. ч. по крайней мере в рамках неодоушевленного (пассивного) класса имен. По-видимому, первоначально они выражали идею общего числа, т. е. в единой форме выражения совмещали значения единичности и множественности. Лексически выраженная множественность имела собирательный характер. Но этот вопрос заслуживает особого, специального обсуждения.

щим значением мн. ч. Обобщающе-собираательные имена *pluralia tantum* продуктивны в выражении понятий «одежда», «мебель», «деньги», «овощи» и др. Др.-русск. мн. ч. *порты* «одежда» образовано от ед. ч. *пъртъ* «кусочек льняной или холщевой ткани; холст; полотно». Ср. чеш. мн. ч. *šaty* «одежда; платье» и ст.-чеш. ед. ч. *šata* «покрывало; платок». Ст.-слав. и др.-русск. *цѣта* «мелкая монета» (гот. *kintus* «то же») в старших текстах соответствует греч. *κοδράντης, δηναρίον, κέρμα, λεπτα* или синонимично слав. *сребръникъ* и образует формы мн. и дв. ч. Но вместе с тем это слово рано получает обобщающее значение «монета», а форма мн. ч. *цѣты* лексикализуется в обобщающе-собираательном значении «деньги». В русском языке, по данным письменности, примерно с начала XV в. в обобщающе-собираательном значении утвердилось мн. ч. *деньги*, хотя ед. ч. *денга* еще в первой половине XVIII в. обозначало медную монету определенного достоинства.

Логическое преобразование простой множественности в качественно-собираательную составляет смысловую основу лексикализации форм мн. ч. также в значениях отвлеченности. В каждом типе отвлеченного значения собираательная множественность вступает во взаимодействие с определенным типом денотативного содержания. Обычно это или неоднородность и сложность действий и свойств, или активность, повторяемость, регулярность, множественность однородных действий, интенсивное проявление свойства. В первом случае формы мн. ч. выполняют обобщающую роль, а во втором — имеют интенсифицирующий смысл.

Наиболее архаичную группу отвлеченных имен *pluralia tantum* составляют во всех индоевропейских языках наименования ритуальных действий, торжеств, знаменательных событий, празднеств. Исследователи справедливо отмечают интенсивно-количественный и действительный характер множественности у имен этого типа — длительность, сложность, цикличность и т. д. Но этимологизация по крайней мере некоторых из них вскрывает первоначальное значение совокупности одноименных отрезков времени (дней, вечеров), от названий которых образуются формы мн. ч. Так, мн. ч. *святки* производно от др.-русск. *сѣмтѣкъ* «праздник» (переносно — «именины»), ж. р. *сѣмтка*, см. Берында, с. 256. Исконное значение мн. ч. — «святочные, т. е. праздничные, дни (вечера)». В западно-славянских языках форма ед. ч. сохранилась, но и здесь формы мн. ч. семантически обособились в обобщающем, целостном значении. Ср. чеш. ед. ч. *svátek* «праздник» и мн. ч. *svátky*, например: *vánočné svátky* (наряду с мн. ч. *vánoce*) «рождество»; польск. ед. ч. *świętek* «праздник» и мн. ч. *świętki*, например: *zielone świętki* «троица», в.-луж. ед. ч. *swjatk* «праздник» и мн. ч. *swjatki* «троица», н.-луж. ед. ч. *suětk* и мн. ч. *suětki* в тех же значениях. От ед. ч. *godъ в ряде славянских языков образованы лексикализованные формы мн. ч. Ср. серб.-хорв. ед. ч. *god* «праздник; торжество», словен. *god* «праздник; годовщина; день рождения» и чеш. мн. ч. *hody* «свадьба; праздник», польск. мн. ч. *gody* «то же», в.-луж. мн. ч. *hody* «рождество», н.-луж. мн. ч. *gódy* «то же». Собираательно-множественное значение «дни поста» мотивирует форму мн. ч. *великия масопоуца* (Изб. 1073 г., 194), ст.-русск. мн. ч. *филипповки* «филиппов пост», др.-русск. мн. ч. *госпожинки* (*оспожинки, спожинки*) «дни успенского поста». Ср. словацк. мн. ч. *kantry* и *kantrové dni* — то же, что и чеш. *suché dni* «четыре „сухих“ дня» (пост.). Значение «совокупное множество дней (как цикл)» мотивирует формы мн. ч., обозначающие дни поминовения: *третиньы, девятиньы, сороковиньы* (и *сорочиньы*), *годиньы* и т. п., известные в славянских языках.

По мере лексикализации формы мн. ч. ослабляют количественное значение множественности и осознаются в интенсифицирующем значении обрядовых действий. Поэтому активно плюрализируются имена отглагольного образования типа др.-русск. *заговѣны, постригы, проводы*.

Лексикализация сопровождается обычно ослаблением и утратой реального значения множественности и переосмыслением слова. Формы мн. ч.

могут служить основой для различных метонимических преобразований лексических значений. Метонимия является важным фактором лексикализации форм мн. ч. Однако этот вопрос заслуживает особого рассмотрения. Здесь только отметим, что лексикализация форм мн. ч. в переносных значениях стала активным источником образования имен *pluralia tantum* в таких тематических группах лексики, как названия стран, земель, населенных пунктов, топографических объектов и т. п.³, названия периодов времени, связанных с трудовыми процессами, названия праздников, названия игр, названия болезней по определенным внешним признакам, народные названия трав, цветов и т. п.

Поскольку имена множественные образуются в результате взаимодействия грамматического значения мн. ч. с определенным типом предметно-логического содержания слова, собирательное значение осложняется или дополняется иными значениями мн. ч. — обобщенностью, интенсивностью, неопределенностью, которые во взаимодействии составляют логико-семантическую основу плюрализации. Собирательность, обобщенность, неопределенность, единство противоположностей, интенсивность — этимологические значения лексикализованных форм мн. ч., объясняющие происхождение имен *pluralia tantum*.

Семантические изменения в формах мн. ч. (абстрагирование и обобщение предметно-логического содержания и утрата внутренней формы слова) исторически преобразуют, ослабляют или утрачивают смысловые оттенки множественности, вызывающие лексикализацию, а форма мн. ч. сохраняется лишь как внешняя черта, формальная примета слова, соответствующая принятому в языковой системе способу выражения определенного типа денотатов. Поэтому независимо от семантических оснований мн. ч. имена *pluralia tantum* в современных славянских языках подразделяются по характеру предметно-логического содержания на те же группы, что и имена существительные, изменяющиеся по числам или употребляемые только в ед. ч., а именно — на конкретно-предметные, вещественные, обобщающе-собирательные, отвлеченные. Таким образом, предметность, собирательность, вещественность и отвлеченность могут выражаться формами как ед., так и мн. ч. У имен *pluralia tantum* формы мн. ч. выполняют словообразовательную функцию номинации, но не выражают количественных отношений. Конкретно-предметные имена *pluralia tantum* в номинативной форме мн. ч. выражают и единичность, и множественность. Но важно подчеркнуть, что как факты грамматики они имеют только одно грамматическое значение — значение мн. ч., которое по существу является структурной функцией грамматической формы.

История имен *pluralia tantum* показывает, что категория числа в славянских языках имеет характер универсальной грамматической категории словоизменения и что именно на этой структурно-типологической основе формы мн. ч. активно используются в качестве средства номинации, т. е. включаются в систему средств словообразования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники

- Ас. ев. 1 — Ассеманьево евангелие: *Evangelii Assemanii. Codex Vatikanski 3. slovanski. Dil II. Vydal J. Kurz. Praha, 1955.*
Зогр. — Зографское евангелие: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Ed. V. Jagić. Berolini, 1879.*
Изб. 1073 г. — Изборник в кн. Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.
Мар. — Марийское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1883.

³ В индоевропейских языках формы мн. ч. исконно и весьма продуктивно используются для образования топонимов. На материале славянских языков этот вопрос обстоятельно исследован уже Ф. Миклошичем [11]. Об этом же см. [12, 13].

- Остр.— Остромирово евангелие (1056—57). СПб., 1883.
 Сав. кн.— Саввина книга. Труд В. Щепкина. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903.
 Супр. р.— Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. Т. I. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1904.
 Puł.— Psalterz Puławski. Opracował S. Słoński. Warszawa, 1916.
 В. Караџић. Пјесме.— В. Ст. Караџић. Српске народне пјесме. Књ. I—IV. 2-е изд. Београд, 1891—1896.
 С. Малевич. Белорусские народные песни. Сб. ОРЯС АН, 1907, т. LXXXII, № 5.

С л о в а р и

- Берында — Лексикон словепороський Памви Берынды. Київ, 1961.
 Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1958.
 Jung.— J. Jungmann. Slovník česko-německý. T. I—V. Praha, 1835—1839.
 Linde — S. B. Linde. Słownik języka polskiego, T. I—VI. Wyd. 2. Lwów, 1854—1860.
 Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
 Pfuhl — Lužiski serbski słownik. Wydał Dr. Pfuhl. W Budyšinje, 1866. ¶

ЛИТЕРАТУРА

1. Потемня А. А. Значения множественного числа в русском языке.— Отд. оттиск из «Филологических записок». Воронеж, 1888.
2. Braun M. Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen. Leipzig, 1930.
3. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, с. 164.
4. Fiedlerová A. Nástin vývoje pomnožných jmen v češtině.— SaS, 1975, č. 4.
5. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. I Th. Strassburg, 1893.
6. Neue Fr. Formenlehre der lateinischen Sprache. Bd. I. Das Substantivum. 3 Aufl. Leipzig, 1902, S. 579—625.
7. Saas Fr. W. Pluralia tantum. Bijdrage tot de Kennis van het Gebruik van de indoeuropese Numeri, in het bijzonder het Grieks. Assen, 1965.
8. Meillet A. Etudes l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Première partie, Paris 1902.
9. Белаћ А. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932.
10. Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
11. Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Manulneudruck aus Denkschriften der Akademie der Wissenschaften Philosoph.-histor. Klasse (Wien, 1860—1874). Heidelberg, 1927.
12. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии.— В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. с. 45—96.
13. Шпербер В. Функция множественного числа при образовании серболужицких названий местностей (Резюме доклада).— В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. Проблемы славянского языкознания. М. 1962.